

огненной... как есть страшная гроза небесная, когда бывает гром с молнией" (В, 144). В фольклоре:

Что не молния на небе проблеснула:
Голубец наша пушка, разряжалась;
Не громкий гром на небе взгрянул...¹

Ограничиваясь этими сопоставлениями, заметим, что литературное обогащение стиля подложных грамот шло здесь, в основном, как и в повести об Азове, в направлении использования и одновременно риторического развития традиционных мотивов „воинских“ жанров старой книжности и фольклора.

В составе разбираемых подложных грамот находятся еще два „письма“, пожалуй, наиболее выразительных. Это русский вариант легендарного послания султана Мухаммеда IV запорожцам и их знаменитый ответ: „Список с письма, каков прислан в Чигирин к казакам от турецкого салтана июля в 7 день 1678 году“ (№ 7), за которым следует „ответ от казаков из Чигирина салтану“ (№ 8). Эти короткие „письма“ интересны в композиционном отношении. В первом из них воспроизводится длинный пышный титул султана и в самом конце „письма“ передается требование „цесаря турецкого“, чтобы казаки „добровольно поддались“ ему. Во втором „письме“, написанном в тоне грубоватого, но острого казачьего юмора, последовательно пародируются все „статьи“ султанского титула и в заключение отвергается его предложение. Сопоставим выдержки из обоих „писем“.

Письмо „салтана“.

„Салтан, сын салтана турецкого, цесарь Турецкой, Греческой, Македонской, Вавилонской, Иерусалимской, паша Асирийской, Великого и Малаго Египта, король Александрийской, Армянской и всех на свете обитающих, князь над князьями, внук божий... хранитель распятого бога... надежда и утешение бесерменское, христианом скорбь и падение, повелеваем вам, чтобы есте добровольно поддались всеми людьми“ (455).

Ответ казаков.

„Салтан, сын проклятого салтана турецкого, товарищ сатанин, бездны адовы, салтан Турецкой, подножие Греческое, повар Вавилонской, бронник Иерусалимский, колесник Асирийский, винокур Великого и Малаго Египта, свинопас Александрийский, арчаг Армянской,... и всех земных подданных шпынь и скаред... адов внук, проклятого сатаны гонец, распятого бога враг... надежда и утешение бусурманское, падение и скорбь их же, не поддадимся тебе, но битися с тобою будем“ (456).

„Речь“ турецких послов и ответ казаков в повести об Азове, насыщенные, в отличие от грамот, большим фактическим и идейным содержанием, тем не менее живо напоминают их и своим грубоватым насмешливым тоном и конструктивной зависимостью второй „речи“ от первой, как развернутой антитезы к ней. А. С. Орлов считает даже, что Поэтическая повесть обусловлена „заимствованием“ из такого „памфлетного казачьего письма султану, в котором пародически опозорен его пышный титул“.² Но мы думаем, что здесь можно говорить только об общей типологической близости.

¹ П. В. Киреевский, вып. 8, стр. 135.

² А. С. Орлов. Древняя русская литература XI—XVII веков. Изд. АН СССР, М.—Л., 1945, стр. 330.